

- ⁵ Однако, партия не отказалась от борьбы за старое название и не отозвала из суда свой иск.
- ⁶ См.: Партийный сайт: <http://www.rcdp.ru>
- ⁷ Коргунок Ю. Современная российская многопартийность // www.polit.ru
- ⁸ <http://www.rjan.ru>; <http://scandaly.ru>
- ⁹ Партийный сайт: <http://www.ipr.party.ru>
- ¹⁰ См., например: Каарийнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. проф. К. Каарийнена и проф. Д.Е. Фурмана. Гл. 1. СПб.; М., 2000. С. 7–48.
- ¹¹ Историческая память населения России: Материалы круглого стола в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации 20 нояб. 2001 г. // Отечественная история. 2002. № 3. С. 200.
- ¹² НГ-Религии. 2000. 12 янв.; 2003. 20 авг.
- ¹³ См. подробнее: Религии народов современной России: Словарь. М., 1999; www.vooov.narod.ru
- ¹⁴ Религиозные объединения города Саратова: Краткий справочник. Саратов, 2004. С.13–18.
- ¹⁵ Там же. С. 146–151.
- ¹⁶ См. подробнее: Программа политической партии «Союз правых сил» (Российский либеральный манифест); Приложение №7 к протоколу Съезда ОПОО «Политическая партия «Союз правых сил» 14 дек. 2001 г. // <http://www.budgetrf.nsu.ru>; Россия перед вызовами XXI века. М., 2002.
- ¹⁷ НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- ¹⁸ НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- ¹⁹ Политический отчет ЦК КПРФ X съезду Коммунистической партии Российской Федерации // <http://f.forum.msk.ru>
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- ²³ <http://www.ldpr.ru>
- ²⁴ НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ НГ-Религии. 2003. 2 июля.
- ²⁷ <http://olmer1.newmail.ru>
- ²⁸ <http://www.nps-rf.ru>
- ²⁹ См. подробнее: <http://politcom.ru>
- ³⁰ См., например: НГ-Религии. 2003. 1 окт., 3 дек.
- ³¹ См.: НГ-Религии. 2003. 2 июля; <http://www.ng.ru>
- ³² См.: <http://portal-credo.ru>

УДК 32: 130.3

ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.И. Шестов

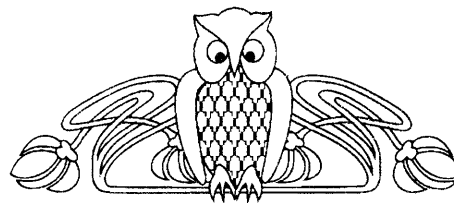
Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: fgsn@info.sgu.ru

В публикации исследуются возможности применения политико-мифологических конструкций массового сознания для решения различных проблем политологического анализа процессов государственного и общественного развития. Рассматриваются политико-мифологические предпосылки приобретения и удержания власти политической элитой. Делается вывод, что использование историко-политических мифов для оценки внутренней механики властных отношений позволяет объяснить противоречия в политической жизни, необъяснимые в иных исследовательских ракурсах.

Historical myth in the structure of modern politological researchment

N.I. Shestov

The paper explores the possibilities of utilization of politico-mythological constructions of mass consciousness for solving various problems of the politological analysis of state and social development. Politico-mythological premises of coming to and remaining in power of the political elite are considered. A conclusion was drawn that the usage of historico-political myths to assess the internal machinery of power enables contradictions in the political life to be explained, otherwise unexplainable.

Современное взаимоотношение российских политической и исторической наук напоминает «единство и борьбу противоположностей». Политической науке трудно оставить без внимания при построении своих оценок и прогнозов более чем тысячелетнюю и очень специфическую эволюцию качества тех общественных и государственных институтов, которые она изучает. Но и включение в структуру политологического анализа исторической конкретики рождает проблему. Как соблюсти оптимальный баланс аналитических процедур, к доминированию которых стремится политология, и описательных, доминирующих в собственно исторических исследованиях? В какой форме и какого качества допустимо присутствие исторического материала, чтобы оно не меняло политологической природы научного анализа?

Политико-мифологический ракурс, в определенной мере, разрешает эту проблему. Речь идет об «исторических» мифах, то есть стереотипных и эмоционально окрашенных оценках политической реальности в прошлом и настоящем, возникших

в массовом сознании по ходу естественного взаимодействия участников политического процесса и потому отражающих некоторые качественные состояния этого массового сознания как одного из постоянных факторов политики. Это содержание в историческом мифе, собственно, и представляет бесспорный интерес для политической науки и, соответственно, бесспорное основание для включения мифологически осмысленного обществом исторического материала в структуру политологического анализа.

Мифы, представляющие собой политехнологические «новоделы» и планомерно ориентированные на возбуждение в массовом сознании определенных реакций, имеют свою особенность, даже в случае, когда для их конструирования использованы исторические символы и понятия. Они отражают намерение политической элиты внести изменения в сложившееся естественным порядком качество массового сознания. Это намерение тоже представляет интерес для политической науки, но, прежде всего, в качестве конкретного обнаружения укорененной в сознании интеллектуальной элиты мифологической уверенности в своей «руководящей и направляющей функции» в идеологическом процессе и в политике.

Исторические мифы не представляют собой объективные факты, требующие применения к ним описательных процедур. Но они и не являются в чистом виде категориями, отстраненными подобно многим политологическим категориям от реального содержания национально государственного политического опыта. Скажем, историческая мифология российской государственности, включенная в структуру политологического анализа, не требует воспроизведения событийной канвы эволюции государственных институтов. В то же время она очень точно фиксирует качественное состояние политических связей и отношений в политическом пространстве России, как в прошлом, так и настоящем. И это существенный мотив, легитимирующий присутствие исторических мифологем в структуре политологического рассуждения.

Но, пожалуй, самым существенным стимулом политологического интереса к исторической мифологии является то, что она способна помочь в решении некоторых сложных задач, усовершенствовать процедуру анализа и повысить ее корректность. Как и любая наука, политология имеет свои внутренние ограничения, связанные с мифологическим, по сути (мифологический компонент присущ и научному знанию в неменьшей степени, чем другим формам знания), восприятием некоторых важных категорий, процессов. Скажем, возникновение государственных институтов априорно воспринимается в ракурсе прогрессирования качества политической системы.

Государство возникло и подчинило себе общество потому, что оно, несомненно, было прогрессивнее и эффективнее в решении анало-

гичных задач, в сравнении с родоплеменными институтами. Но это «несомненно» как раз и представляет собой некий стереотип, некоторый научный миф, рожденный сознанием современного политолога. Для современников рождения государственной формы ее преимущества перед прежним родовым укладом были вовсе не очевидны. Каким образом тогда, если обратиться к примеру российской государственности, контроль над восточно-славянским морем родоплеменных отношений, над формирующимися военно-политическими союзами, мог оказаться в руках не просто малочисленной, а еще и инокультурной скандинавской политической элиты?

Классическое утверждение, что государственная элита осуществляет свое господство, опираясь на насилие над обществом, может быть и верно для уже сложившихся политических систем, но его применение для объяснения механизма перехода от родоплеменного военного союза к государственной системе абсурдно. При всей своей боевитости, несколько сотен варягов, обитавших в торговых факториях вдоль Волхово-Днепровского пути, не были в состоянии учинить насилие над хорошо, по понятиям того времени, организованными и вооруженными дружинами славянских родов и племен. Значит, помог общественный интерес к новой форме власти, как к чему-то, противостоящему родовым традициям, и уже в силу этого несущему в себе пользу.

Здесь мы подходим к принципиальному моменту, который многое объясняет и в механизме современных взаимоотношений общества и государства. Он многое проясняет и в современных дискуссиях политологов и правоведов по поводу возможностей теоретически четко позиционировать власть легитимную и теневую. Политологический анализ сталкивается с двумя парадоксами. Теневую политическую власть вроде бы уместно рассматривать как антипод власти легитимной, как некоторое частное «нарушение программы» власти. Практика показывает, что сплошь и рядом эта часть имеет тенденцию разрастаться до целого и диктовать политической системе свои условия легитимности. То, что политология, по привычке, идентифицирует как легитимную власть, на деле оказывается не более чем формальным и «теневым» доведением к власти «теневой», но легитимной. Второй парадокс связан с первым. Политическая наука рекомендует всем участникам политического процесса бороться с теневой властью. Но именно теневой характер этой власти увеличивает по ходу взаимодействия ее с властью легитимной эффективность последней.

Если посмотреть на эту проблему в политикомифологическом ракурсе, то мотивированность подчинения общества власти и легитимирующего его интерес именно к власти теневой будет иметь объяснение, отличное от классического. Государственная власть изначально возникала, в большинстве случаев, как теневая структура

по отношению к легитимным родоплеменным структурам. Но она имела одно важное преимущество (и иноплеменный статус малочисленной политической элиты этому очень способствовал). Она давала возможность обрести высокий социальный статус всем тем, кто не вписывался в систему родовой демократии. Прежде всего, тем же представителям дружинного слоя, чьи ресурсы военной добычи не соответствовали их положению равноправных общинников. Чем более общество и сама государственная власть (особенно в демократическом оформлении) стремится формально уравнивать граждан перед своим лицом, тем более у граждан возрастает интерес к созданию альтернативной системы «теневых» политических отношений, которые более гибко реагировали бы на потребность соответствия их социального статуса и экономических возможностей. Вокруг этого механизма постепенно наращивался комплекс общественных стереотипов, наиболее известный из которых – оппозиция «мы-они» – достаточно рационально объясняет основную предпосылку стремления общества подчиниться государству.

Это стремление к подчинению мотивировано внутренней потребностью традиционалистски и новаторски ориентированных составных частей социума обособиться друг от друга, чтобы одна часть продолжала жить «по правде», а другая, не согласная с этой правдой, могла бы нормально социализироваться на основе записанного «закона». Именно эту возможность для легитимации «теневых» по отношению к родовым институтам дружинных структур предоставлял элите древнерусского государства известный «Устав Ярославль». Составленный княжеской властью «закон» довольно долго обеспечивал жизнь «по понятиям» для тех, кто не желал жить по законам племенного строя. Законотворческая активность современных государств шаг за шагом приводит в состояние баланса то несоответствие внутриобщественных интересов, с которого начиналось рождение государства.

Таким образом, политико-мифологический ракурс дает возможность осмыслить проблему генезиса государственной формы как некоторую универсальную, в принципе, механику общественно-властных отношений. Он позволяет свести в пространстве политологического исследования историческую мифологию социума, его видение политического процесса и, собственно, научные мифологемы, возникающие в сознании современного наблюдателя политических процессов. Такое сведение двух мифологических комплексов провоцирует в сознании исследователя момент интеллектуальной конкуренции и объективно создает почву для максимально возможной демифологизации структур политологического рассуждения.

Другой, связанный с первым, распространенный сюжет, воспринимаемый сообществом политологов совершенно мифологически, это феномен

политического лидерства. Большинство концептуальных разработок этого направления ориентированы на стереотипное восприятие сущности политической власти. Власть есть набор функций, функций сложных и важных, что само по себе как бы оправдывает момент насилия политического лидера над вверенным ему социумом. Поэтому большинство трактовок психологической, экономической и культурной природы властвования подразумевает, что оно есть удел лучших. Злодеев или праведников – это уже вопрос этического выбора автора концепции, но лучшего среди злодеев или лучшего среди праведников.

Повседневная же реальность обнаруживает абсолютное доминирование в структурах административно-политического управления людей, не способных оптимально выполнять возложенную на них функцию, что ведет к дроблению этой функции и количественному росту властвующих структур. Этот процесс имеет давнюю историю. При этом в макроисторической перспективе не обнаруживается снижения уровня легитимности претензий политических лидеров на политическое насилие в самых различных формах – от реформ до войн и репрессий.

Определенные колебания прослеживаются на уровне национально-государственных образований и в отдельные исторические периоды. Но, в целом, за последние тысячелетия человечество не проявило сомнений в ценности раз найденного способа решения своих внутренних и внешних проблем при помощи института политического лидерства и не усомнилось в праве лидера на властное насилие по отношению к себе.

Теоретически, данная проблема имеет вполне корректное, с научной точки зрения, политологическое решение в плоскости исторически сложившихся в массовом сознании мифологических установок на восприятие фигуры лидера как персонафицированного выражения принципов политического властвования. Следует отметить, что в современной отечественной политологии существует немало теоретических концепций, объясняющих причину готовности общества терпеть над собой «власть посредственностей» и лишь терпеливо ожидать прихода настоящего лидера-мессии. Условно их можно сгруппировать по трем принципиальным исходным установкам.

Часть концепций исходит из предположения, что власть объективно сильнее общества. Но можно возразить, что сила власти заключена в ресурсах, предоставляемых ей обществом. Вопрос о том, почему общество эти ресурсы предоставляет, остается открытым.

Другие концепции делают акцент на качестве «народной ментальности». Но и здесь есть проблемы: качество массового сознания меняется в зависимости от исторических этапов. В ранг ментальных установок исследователь возводит идеи и суждения с наименее выраженной динамикой, наиболее устойчивые. Но такой подход

оставляет вопрос: общество не пересматривает эти установки потому, что они для него очень важны, или же потому, что они ему безразличны и оно формирует из подобных установок нечто вроде компьютерной «корзины»?

Другой вопрос состоит в том, присуща ли эта ментальность лидеру или корпорации, осуществляющим совместно или врозь властное насилие. Концепции этой группы как бы предполагают, что у лидера или корпорации ментальность одна, ориентирующая их на властвование, а у общества – другая, и она ориентирует его на подчинение власти лидера или лидеров. Но это противоречит «классическому» пониманию ментальности как категории, обозначающей предельно общие качества и массового, и элитарного сознания. Есть концепции, трактующие властные отношения как «диалог молчания».

Обращение политолога к комплексу исторических мифов дает ему больше возможностей оставаться в своем анализе на почве рациональности и непротиворечивой логики. У многих обществ из тех, что живут сегодня политической жизнью, исторически сложились мифологические представления, смысл которых можно суммировать следующим образом: готовность общества признать власть лидера над собой соответствует его готовности осуществить ответное насилие над лидером. В какой форме реализуется эта мифологическая установка – это вопрос времени и места действия. В архаическом сообществе ответное насилие может быть облечено в форму ритуального убийства вождя, в процедуру вечавого «изгнания». В модернизированных обществах ту же функцию «политического убийства» может выполнить электоральная процедура.

Спектр возможных решений потенциально бесконечен и определен характером и объемом общественных ресурсов. Смысл политической системы и соответствующих политических процедур в том и состоит, что общество в них находит способ не доводить без крайней нужды дело до физического устранения лидеров и тем обеспечивать более стабильную преемственность управления своей жизнью. Стабильная мифологическая уверенность в возможности общества чинить ответное насилие, будучи вписана в контекст отношений административно-политического управления, делает неактуальным вопрос личностных характеристик лидера. По принципу, что эти лидерские качества не скажутся непосредственно на текущем благополучии социума, а у последнего всегда есть возможность ответить насилием, если лидер начнет перегибать палку. По большому счету «серость» лидера даже выгодна обществу, поскольку характер его деятельности, как правило, позволяет обществу оставаться в рамках мифологической убежденности в своем праве на насилие и не пытаться реализовывать это право на практике.

Таким образом, исторические мифы в политологических исследованиях выступают в двух ипостасях: как приемлемая для политической науки, с точки зрения соблюдения ею своей предметной и методологической специфики, форма включения исторической информации в политологический анализ и как способ решения конкретных аналитических ситуаций, для которых «классическая» политологическая методология не выработала пока еще корректных объяснительных процедур.